

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-3-93-106>

«НОВОЯЗ» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.А. Шестерина
МГИМО МИД России
(Москва, Россия)
niky.07@mail.ru

Аннотация: В представленной статье рассматривается понятие «новояз», созданное Дж. Оруэллом в его произведении «1984» и функционирующее как одно из средств манипулирования политическим сознанием людей. Основной акцент в статье делается на языковой манифестации новояза в речевом поведении современных немецких политиков. Выявляются две основные функции новояза в речи современных немецких политиков: запутывание адресата и переосмысление устоявшихся понятий. Устанавливается основной корпус лексических средств немецкого политического новояза, которые реализуются в виде фрейминга, пустых фраз, парадоксальных словарных конструкций, заимствований, неологизмов, канцеляризмов, лексем с неоднозначным значением и многозначных слов. Среди грамматических средств, свойственных новоязу в немецком политическом дискурсе, представлены инклюзивное местоимение *wir*, страдательный залог и конъюнктив ирреалис в сочетании с обстоятельствами образа и способа действия. В качестве прагматических средств реализации новояза в немецком политическом дискурсе выступают навязывание пресуппозиций, слабые усилия по реализации интенций и гиперболизация. Делается вывод о том, что в отличие от тоталитарных обществ, в демократических государствах политики прибегают к новоязу преимущественно для того, чтобы путем языковых манипуляций нивелировать неудачи своей партии, которой не удается в полной мере реализовать свои заявленные намерения.

Ключевые слова: новояз, политический дискурс, стратегии манипуляций, речевая манипуляция, неологизмы, прагматические интенции.

Для цитирования: Шестерина Е.А. (2023). «Новояз» в современном немецком политическом дискурсе. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 5(3), С. 93–106. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-3-93-106>

1. ВВЕДЕНИЕ

Еще в 40-е годы прошлого века В. Клемперер отмечал, что если кто-то захочет нарочно или неосознанно что-то скрыть, то язык разоблачит его [Klemperer, 1996, s. 312]. Любая попытка скрыть что-то, манипулируя языковыми средствами, потерпит неудачу, если подвергнуть высказывание лингвистическому анализу, в результате которого выяснится, что определенные его единицы не согласуются друг с другом. Это, однако, может оказаться не под силу многим читателям или слушателям, не обладающим необходимыми лингвистическими знаниями. Этим пользуются различные политики, вводя в заблуждение своих избирателей ради получения их благосклонности.

Сегодня является неоспоримым тот факт, что язык можно использовать для манипулирования политическим сознанием людей (ср. напр.: [Агаджанян, 2023]; [Чес, 2020]; [Шабалкина, 2020]; [Medvedeva, 2022]). Манипуляции непосредственно связаны с такими понятиями, как «новояз», «неояз» или «новоречь». В наше время эти термины используют по большей части сетевые активисты, подкастеры и блогеры, которые в уничижительной форме критикуют отдельные слова или даже целые речевые стратегии политиков, лоббистов или представителей бизнеса для легитимизации планов или решений, которые наносят вред населению, или для того, чтобы придать потенциально критическим проектам желаемый вид.

Истоки термина «новояз» лежат в антиутопическом романе Джорджа Оруэлла «1984», который был опубликован в 1949 году. В книге описывается идеальное тоталитарное государство: повсюду слежка, камеры, частная жизнь и политическая свобода не допускаются ни в каком виде. Людей пичкают пропагандой и ложью, любое выступление против государства жестоко пресекается, дети доносят на своих родителей. Но всего этого недостаточно для руководящей партии. Она хочет также контролировать последнее убежище для критики и подрывной деятельности, которое осталось у людей, – их мысли.

Дж. Оруэлл создал в своем произведении «1984» одно из самых зловещих изобретений в истории литературы – новояз (в оригинале *newspeak*). Партия тоталитарного государства планирует заменить нормальный английский язык чрезвычайно упрощенным языком, который не может противоречить господствующей идеологии «Ангсоц» (английский социализм). Многие термины «старого языка» будут либо полностью удалены, либо заменены всего одним. Так, например, свойства «замечательный», «великолепный», «прекрасный» и т. п. рационализируются в «хороший». Для лексем «плохой», «злой», «неприятный», «отвратительный» и т. п. также существует только одно слово – «нехороший». Таких слов, как «честь», «мораль» или «наука» в новоязе больше не существуют. Все они суммируются в понятии «Ангсоц» [Orwell, 2002].

Ранее новояз исследовался только в дискурсе языка тоталитарных обществ (см. напр.: [Фарапонова, 2019]; [Eik, 2010]). Термин «новояз» пока не имеет строгого лингвистического определения и используется в различных значениях. Мы опираемся на дефиницию новояза, приведенную А. Марковски. Под новоязом исследователь понимает язык государственной власти и контролируемых ею средств распространения информации, который служит широкой пропаганде и используется для произвольного манипулирования социальными настроениями и поведением, но также направлен на менталитет, навязываемый государственной властью всему обществу [Markowski, 2012, p. 87].

В последнее десятилетие этот феномен вызывает интерес у лингвистов, изучающих речевые стратегии воздействия на аудиторию в политическом дискурсе демократических государств (ср.: [Беляев, Черниговская, 2017; Евласьев, Бондаренко, 2021; Кейлз, 2009; Морозова, 2022; Biermann, Haase, 2012]). Отмечается, что в отличие от тоталитарных обществ в демократических государствах политики прибегают преимущественно к новоязу для того, чтобы нивелировать неудачи своей партии, которой не удастся в полной мере реализовать свои заявленные намерения [Бартов, 2009, с. 15]. Кроме того, словотворчество и специфическое грамматическое оформление речи политиков связываются с требованием политкорректности [Овчинникова, 2022, с. 114] или следования темам, считающимся прогрессивными или социально значимыми, например, экологичность [Арутюнян, 2022]. Новоязу приписывается также способность идентифицировать себя и других, а также проводить различие между «своими» и «чужими» [Олешкова, 2017, с. 57].

Важную роль в утверждении новояза в политическом дискурсе играют средства массовой информации. С одной стороны, пресса является основным каналом распространения неологизмов, исходящих от политиков, с другой стороны, журналисты охотно подхватывают броские слова из выступлений публичных лиц и распространяют их среди своих читателей и слушателей. При этом журналисты сами решают, какие слова использовать, а какие могут придумать сами.

Цель настоящего исследования – выявить функции и языковые средства манифестации новояза в речевом поведении современных немецких политиков.

2. МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ

В исследовании применяются общенаучные методы, такие как наблюдение за языковым материалом, квалифицируемым как новояз, его анализ, синтез, сравнение и сопоставление. Для решения лингвистических задач мы обращались к частнонаучным методам, таким как дефиниционный и компонентный анализ, для выявления семантической модификации «традиционных» лексических единиц при переводе их в новояз и разграничения сфер их применения в языке для специальных целей. С помощью контекстуального анализа стало возможным определить стилистические и прагматические особенности построения высказываний в рамках новояза.

Материалом для исследования послужили примеры, взятые из словаря «Sprachlügen. Unworte und Neusprech von «Atomruine» bis «Zeitnah»» [Bierman, Haase 2012], а также коллекции неологизмов немецкого новояза, представленных на сайте www.neusprech.org. Кроме того, изучались высказывания политиков в немецкой периодической прессе, представленной в электронном текстовом корпусе Korpora im DWDS (<https://www.dwds.de/r>).

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

3.1. Функции новояза

Анализ исследовательского материала позволил выявить в речи немецких политиков две основные функции новояза: запутывание адресата и переосмысление устоявшихся понятий.

3.1.1. Запутывание адресата

Используя средства новояза, политики пытаются усложнить понимание своих слов реципиентами. Неприятные для граждан итоги своей деятельности публичные лица запутывают неологизмами, канцеляризмами, техническими или иноязычными терминами. Зачастую используемые слова звучат высокопарно, официозно или чрезмерно научно, однако они не несут в себе никакой существенной смысловой нагрузки. Так, например, *Cyber-Außenpolitik* означает нечто, что связано с киберпространством на международном уровне, но остается совершенно непонятным, кто субъекты и объекты этого политического действия. Другой пример *Asylgehalt* (выплата для беженцев) является вводящим в заблуждение термином, который, по сути, обозначает карманные деньги, выплачиваемые беженцам на личные нужды. Слово *Gehalt* имеет значения «зарплата, пособие, денежная выплата», но в высказывании баварского премьер-министра М. Зёдера имелась в виду небольшая сумма карманных денег. У аудитории создавалось впечатление, что М. Зёдер говорит о финансовых средствах, достаточных для нормального проживания беженцев.

3.1.2. Переосмысление устоявшихся понятий

Для того чтобы направлять общественное мнение в нужное русло, в дебатах используются тенденциозные термины. С одной стороны, они могут быть броскими, чтобы нагнетать страх и заранее навешивать ярлыки на определенных лиц или факты. Примерами могут служить *Raubkopien* (пиратские копии) в отношении скачанных в Интернете песен или *Killerspiele* для представления компьютерных игр-«стрелялок» в жанре «Шутер от первого лица». Использование этих терминов значительно усложняет или делает невозможным дискуссию по соответствующей теме, поскольку в таких формулировках предмета обсуждения уже содержат четкое мнение одной из сторон.

Политики также могут предпринять попытки релятивировать политически сомнительные или опасные решения с помощью эвфемизмов или усилить их с помощью положительно звучащих терминов, как, например, в случае со словосочетанием *qualifizierte Baugruppengewinnung* («квалифицированное восстановление сборки»). Этот термин отражает неблагоприятную ситуацию с дефицитом запасных частей в бундесвере. В ВВС Германии «каннибализацию», т.е. разбор на детали одних самолетов для эксплуатации других называется «контролируемым демонтажем». Чтобы это звучало менее уродливо, Министерство обороны называет этот процесс «квалифицированным восстановлением сборки».

3.2. Лексические средства

3.2.1. Фрейминг

В новоязе важную роль играет фрейминг. В лингвистике фрейминг трактуется как когнитивная установка на обозначение границ, в рамках которых происходит фокусирование внимания реципиентов как на всю ситуацию в целом, так и на ее отдельные компоненты. Вне этих границ ситуации не существует. Адресата подталкивают таким образом к принятию определенной точки зрения [Одинцова, 2012, с. 77]. Слова подбираются так, чтобы вызывать определенные ассоциации значения, семантический контекст, благодаря которому концепция, передаваемая словом, кажется более или менее желательной. Первым описал этот феномен Дж. Лакофф и проиллюстрировал его многочисленными примерами. Один из

них: Американская ассоциация судебных юристов (*American Association of Trial Lawyers*) изменила свое название на *American Association of Justice*, потому что *justice* означает не только «правосудие», но и «справедливость» [Lakoff, 2014].

Результат воздействия фрейминга на сознание реципиентов наглядно демонстрирует замена привычных ранее понятий *Unternehmen* «предприятие» и *Angestellte/-r* «работник» словами *Arbeitgeber* «работодатель» и *Arbeitnehmer* «наемный рабочий». На самом деле все должно быть наоборот, потому что именно работник отдает свою рабочую силу, а компания берет ее для создания добавленной стоимости. С другой стороны, в роли «работодателей» руководители могут выглядеть покровительственными распределителями ценных ресурсов, а работники в роли «сотрудников» – пассивными просителями.

Рассмотрим несколько примеров фрейминга в немецком политическом новоязе. Существовавшее много лет название Агентства по сбору платежей общественных вещателей *Gebühreneinzugszentrale (GEZ)* в силу своей непопулярности и плохого имиджа среди населения, так как это, по сути, налог на радио и телевидение, в политических дискуссиях было предложено изменить на *Rundfunkserviszentrale*, т. е. «Центр обслуживания общественных вещателей». Но его услуги, скорее всего, по-прежнему будут заключаться только в рассылке напоминаний неплательщикам.

Другим показательным примером фрейминга в новоязе немецкого политического дискурса является использование слова *Harmonisierung* («гармонизация») вместо вызывающего раздражение *Rationalisierung* («оптимизация»).

3.2.2. Пустые фразы

В политических заявлениях часто встречаются языковые конструкции, которые на первый взгляд представляют собой безобидные пустые фразы и используются лишь для придания высказыванию риторического украшения, как, например, *Es kann doch nicht sein, dass ...* (Не может быть, чтобы...). Это выражение применяется тогда, когда что-то происходит так, как не следовало бы, и часто выражает сожаление или желание, чтобы все было иначе, но без предложения, как можно изменить критикуемую ситуацию. Таким образом, это предложение, прежде всего, выражает беспомощность. Так, в высказывании министра обороны Урсулы фон дер Ляйен:

Es kann nicht sein, dass Europa am Zaun von Idomeni scheitert / Не может быть, чтобы Европа потерпела неудачу у приграничной стены в Идомени. (Перевод предложений здесь и далее наш. – Е. Ш.).

речь идет о прорыве мигрантами в 2016 году греко-македонской границы в Идомени. Вопреки высказываемой обеспокоенности, Европа все же терпит неудачу в Идомени, так как мигранты прорвали кордон и проникли на территорию ЕС.

3.2.3. Парадоксальные лексические конструкции

Часто неологизмы новояза можно распознать с первого взгляда, когда они представляют собой любопытные словесные конструкции, в которых наблюдается семантический конфликт между их частями, например, *Asyltourismus*, *Schutzwaffe*, *Supergrundrecht*. Для иллюстрации рассматриваемого положения проанализируем композит *Asyltourismus*, первое употребление которого приписывается баварскому премьер-министру М. Зёдеру. Композит представляет собой оксюморон, так как содержит в себе взаимоисключающие понятия. Убежище просят нуждающиеся люди, а туризм относится к добровольному путешествию. Тер-

мин *Asyltourismus* подразумевает, что эти люди добровольно (т. е. как туристы) путешествуют по разным странам, чтобы найти убежище. Используя это парадоксальное соединение, политики подводят граждан к мысли о том, что нужно отказываться в помощи «туристам за убежищем». При этом игнорируется тот факт, что ситуация в транзитных странах настолько плоха для этих людей, что они не могут там находиться. Когда беженцев обозначают как туристов, то таким образом приуменьшаются опасные для их жизни условия. В то же время имплицитно, даже если это происходит и неумышленно, высмеивается стремление пострадавших найти защиту от преследований, войны и лишений на родине.

3.2.4. Заимствования и неологизмы

Использование англицизмов, ранее не употреблявшихся или употреблявшихся крайне редко в общественно-политическом дискурсе, является распространенной стратегией в немецком новоязе. В качестве примеров можно привести лексемы и словосочетания *responsible banking* (*verantwortungsbewusstes Bankgeschäft*), *flat tax* (*Pauschalpreis*), *targeted killing* (*gezielte Tötung*). Цель обращения к англицизмам – вызвать у реципиента ощущение глобальной значимости обсуждаемого феномена, релятивировать, а иногда и исказить его смысл, а также ввести в заблуждение или умышленно лишить возможности получить информацию теми людьми, которые плохо или совсем не владеют английским языком.

Схожую функцию реализуют и неологизмы в речи политиков. Как правило, неологизмы призваны обозначить явления, не имевшие ранее лексического оформления. Однако лидеры общественного мнения зачастую используют их, чтобы завуалировать истинный смысл используемых ими понятий, как в случае с *Intensivstadt*. Этот неологизм исходит от федерального правительства и не имеет смысла без более специфического контекста. Первый член сложного существительного означает свойство «интенсивный», «сильный» или «энергичный» и часто используется как средство усиления качеств предметов или явлений, поэтому можно предположить, что в случае с приведенным словом речь идет об особо крупном или оживленном городе. На самом же деле здесь имеется в виду город, который внесен правительством в список из 15 немецких городов, в которых среднегодовое значение вредного диоксида азота составляет более 50 микрограммов на кубический метр воздуха. Под *intensiv* в данном неологизме скрыт другой смысл, который вводит в заблуждение аудиторию – интенсивность загрязнения воздуха.

3.2.5. Канцеляризм

Канцеляризм связан с застывшими словесными фразами, которые часто произносятся механически, чтобы завуалировать конкретные выводы и отвергнуть нестандартные решения. Использование канцеляризм в немецком новоязе свидетельствует об отсутствии желания у политиков объяснять своим избирателям суть актуальных процессов и фактов. Так, канцеляризм *Fortschrittsverweigerer* (отрицатель прогресса) и *Technik- oder Modernisierungsverweigerer* (отрицатель технологий или модернизации) представляют собой обозначение противников проектов, которые, по мнению политиков, необходимо продвигать для развития экономики. Использование указанных терминов – это попытка урезонить критику этих планов, апеллируя к убеждению, что новое по своей сути всегда лучше старого. Поэтому любой, кто критикует такие планы, должен быть либо ретроградом, либо несознательным элементом. Этот прием часто используется политиками особенно в отношении рискованных и/или дорогостоящих идей, например, в области ядерной энергетики или транспорта.

3.2.6. Слова с неочевидным значением

Чтобы лишить аудиторию возможности понять рискованность предпринимаемых усилий, политические акторы могут прибегнуть к использованию слов с неоднозначным, непрозрачным смыслом. Так, слово *Brückentechnologie* («переходная технология») используется в немецком политическом новоязе как синоним ядерной энергетике и представляет собой попытку преуменьшить риск и угрозу, исходящие от атомных электростанций. Представляемый переходный характер использования атомной энергии имплицитно подразумевает якобы короткий период эксплуатации электростанций на фоне их высокой технологичности. А это не что иное, как ложь, порождающая надежды немецких граждан на быстрый выход из атомной энергетике и переход на использование «зеленых» технологий.

3.2.7. Многозначные слова

Политики могут выстроить контекст таким образом, чтобы в многозначных словах актуализировалось именно то значение, которое соответствует их интенциям. Так, например, чтобы снизить негативный общественный резонанс от сноса небольшой деревни Лютцерат ради добычи каменного угля, на странице концерна *Energieunternehmen RWE* от 11.01.2023 этот процесс был представлен словом *Rückbau*, которое наряду со значениями «демонтаж» и «снос» может обозначать также «вывод жилья с рынка недвижимости», «возвращение в прежнее (экологическое) состояние» и «щадящая разборка зданий». Вероятность манифестации значений «демонтаж» и «снос» уменьшается в связи с тем, что в сообщении отсутствует всякое упоминание о технических работах, направленных на разрушение зданий в деревне.

3.3. Грамматические средства

Помимо лексических стратегий запутывания реципиентов и переосмысления значения слов, описанных выше, существуют также грамматические механизмы, которые свойственны немецкому политическому новоязу.

3.3.1. Страдательный залог

Грамматическая категория пассива обладает большим потенциалом запутывания аудитории, поскольку одной из его функций является сокрытие агенса. Такое положение дел может подкрепляться использованием прошедшего времени, благодаря которому действующее лицо не только отсутствует, но и лишается возможности контролировать уже свершившееся действием, как в случае с бывшим министром Германии К.-Х. цу Гуттенбергом, который отвечает на обвинения в плагиате в его докторской диссертации:

Es wurde allerdings zu keinem Zeitpunkt bewusst getäuscht oder bewusst die Urheberschaft nicht kenntlich gemacht. К.-Н. zu Guttenberg / Однако ни разу не было зафиксировано преднамеренного обмана или умышленного искажения авторской принадлежности. К.-Н. zu Guttenberg.

3.3.2. Инклюзивное «мы»

В речевом поведении политика, направленном на введение в заблуждение читателей или слушателей относительно успешности деятельности, проводимой его партией, часто встречается местоимение *wir*. Используя личное местоимение первого лица множественного числа, политик включает таким образом в группу «своих» других адресатов: наряду с федеральным правительством или коалицией, своей партией также всех немцев. При этом

местоимение *wir* может менять свою направленность в пределах одного абзаца. В следующем примере первые три случая употребления *wir/uns* относятся к политическому окружению А. Меркель. В последнем случае местоимение *wir* в комбинации с притяжательным местоимением реализует чисто инклюзивную функцию, включая немцев как европейскую нацию в круг «своих», то есть тех политиков, кто способствовал претворению в жизнь так называемой «европейской мечты», нивелируя при этом те неудачи и нерешенные проблемы, связанные с усилением интеграции внутри ЕС:

Ende März haben wir hier in Berlin den 50. Jahrestag der Römischen Verträge gefeiert. Dabei ist uns allen noch einmal deutlich geworden, wie lange ein geeintes, in 5 Frieden und Freiheit verbundenes Europa ein bloßer Traum war, ein Traum, der aus schmerzlicher Erfahrung später auf wunderbare Weise Wirklichkeit geworden ist. Heute – so haben wir es dann in der Berliner Erklärung geschrieben – sind wir Europäer zu unserem Glück vereint. Angela Merkel / В конце марта мы отмечали здесь в Берлине 50-ю годовщину Римских договоров. Всем нам вновь стало ясно, как долго единая Европа, объединенная миром и свободой, была всего лишь мечтой, мечтой, которая позже, через болезненный опыт, чудесным образом стала реальностью. Сегодня, к счастью, как мы написали в Берлинской декларации, мы, европейцы, объединились. Ангела Меркель.

Таким образом, местоимение *wir* становится словом-паспарту, т.е., словом с неопределенным значением и вписывающимся во многие ситуации. При этом адресат без его воли причисляется к кругу тех, кого также призывают к ответу за реализацию обсуждаемых мер.

3.3.3. Конъюнктив

Помимо частого применения местоимения первого лица множественного числа, политики используют еще одну грамматическую категорию для запутывания аудитории, а именно сослагательное наклонение – конъюнктив II. Конъюнктив ирреалис в сочетании с обстоятельствами образа и способа действия *sonst, andernfalls, im anderen Fall, anderweitig* и т. п. придает высказыванию оттенок гарантированной неудачи предпринимаемых усилий в случае, если бы действие совершалось не так, как это делало политическое окружения адресанта:

Die KEF hatte auf einen Vertrag bis spätestens 15. Dezember gedrängt - andernfalls hätte sie die Finanzmittel für den Start der Programme vom Deutschlandradio nicht frei gegeben / Комиссия по расследованию финансовых нужд (КРН) настаивала на заключении контракта не позднее 15 декабря. В противном случае она не смогла бы выделить радио Deutschlandradio финансирование для начала вещания национальных программ.

3.4. Прагматические средства

3.4.1. Навязывание пресуппозиций

Одним из эффективных прагматических средств новояза в немецком политическом дискурсе является навязывание пресуппозиций. Благодаря этому политики надеются представить аудитории аспекты своей деятельности как логически обоснованные, объективные и имеющие под собой неоспоримые обоснования, например:

Und dennoch: Es war und es ist kein leeres Wort, wenn ich sage: Wir können nicht einfach zur Tagesordnung übergehen und die bisherige unbestrittene Sicherheit unserer kerntechnischen Anlagen zum Maßstab auch des künftigen Handelns machen, ohne dass wir infolge der jüngsten Ereignisse einmal innehalten. A. Merkel / И все же, это была и есть не пустая фраза, когда

я говорю, что мы не можем просто вернуться к привычному ведению дел и сделать **бесспорную безопасность** наших ядерных объектов **мерилом** для будущих действий, не сделав паузу в связи с последними событиями. А. Меркель.

В представленном примере навязывание пресуппозиций совершается с помощью вводного сочетания *und dennoch*, которое представляет собой формулу убеждения реципиентов в правоте своих слов, а также благодаря атрибутивной конструкции с отрицанием *kein leeres Wort*, имплицитующей смысловую наполненность высказывания. Завершается высказывание отсылкой к трагическим событиям на АЭС в Фукусиме, чтобы вызвать у аудитории определенные страхи и внушить ей тезис о якобы непреложной (*Maßstab*) безопасности немецких атомных станций (*unbestrittene Sicherheit*).

3.4.2. Ослабление усилий по реализации интенций

Судя по высказываниям некоторых политиков, может показаться, что им нечего сообщить своим слушателям. Их речь наполнена элементами, отражающими в содержательном плане ритуальные параметры деятельности партий, под которыми следует понимать намерение политиков сконцентрировать внимание аудитории на процедуре взаимодействия внутри своей политической партии, а не на решении конкретных задач, являющихся актуальными для избирателей, например:

Damit wird zugleich deutlich gemacht, dass wir die Bildung dieses Regierungsteams nicht nur als ein Signal dafür verstehen, dass die SPD geschlossen und einig den Regierungswechsel anstrebt, sondern dass das Angebot an alle Bürgerinnen und Bürger auch die Integration verschiedener Erfahrungen, verschiedener Kenntnisse ermöglicht / Этим мы даем понять, что формирование этой правительственной команды мы воспринимаем не только как сигнал того, что СДПГ едино и сплоченно движется к смене правительства, но и как то, что это предложение всем гражданам позволит нам интегрировать различный опыт, различные знания.

3.4.3. Гиперболизация

Гиперболизация является одной из характерных черт новояза в немецком политическом дискурсе. Обещания совершить действия в преувеличенной степени направлены на то, чтобы убедить и успокоить аудиторию в том, что власть имущие сделают от них все зависящее для защиты своих граждан. При этом политики могут не конкретизировать, какие именно меры будут применены, например:

Wer eine solch schreckliche Tat begeht, den muss die volle Härte des Rechtsstaats treffen. M. Hauer / Любой, кто совершит такой ужасный поступок, узнает полную силу верховенства закона. М. Хауэр.

Эта жесткая позиция теряет свою состоятельность при лингвистическом анализе. Используемые в словосочетании *die volle Härte des Rechtsstaats* прилагательное *voll* и квантификатор *Härte* представляют собой гиперболы и являются излишними, поскольку правовое государство не может реализовывать свою силу, к примеру, на половину или на треть, так как это уже считалось бы его слабостью.

4. ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что новояз в современном немецком политическом дискурсе характеризуется «туманностью речи»: избегаются четкие и содержательные заявления, указания на ответственных лиц, которые могут быть привлечены к ответственно-

сти. Корпус основных языковых средств немецкого новояза составляют фрейминг, пустые фразы, парадоксальные словарные конструкции, заимствования, неологизмы, канцеляризмы, лексемы с неоднозначным значением, многозначные слова, инклюзивное местоимение *wir*, страдательный залог, конъюнктив ирреалис в сочетании с обстоятельствами образа и способа действия, языковые стратегии навязывания пресуппозиций, слабые усилия по реализации интенций и гиперболизация. Все перечисленные языковые средства помогают реализовать основные функции новояза в немецком политическом дискурсе: запутывание адресата и переосмысление устоявшихся понятий. В данном случае речь идет о языковых манипуляциях, к которым прибегают политики, чтобы в общении с избирателями нивелировать неудачи своей партии, которой не удастся в полной мере реализовать свои заявленные намерения.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанян Р.В. Языковое манипулятивное воздействие: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. С. 765–772. doi: 10.30853/phil20230151
2. Арутюнян Н.Л. Гендеробесие, экобесие и климатомания как отражение новой апокалиптической картины мира // Филология в системе современного гуманитарного знания: Сборник научных трудов. К 85-летию факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета / под ред. Н.Ю. Фанян. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 6–15.
3. Бартов А.А. «Новояз» в литературе и в жизни // Нева. 2009. № 3. С. 11–17.
4. Беляев Д.А. «Новояз» Дж. Оруэлла: от языковой регрессии к лингвистическим политехнологиям манипуляции общественным сознанием // Наука Красноярья. 2017. Т. 6. № 2 (2). С. 32–36. doi:10.12731/2070-7568-2017-2-2-32-36
5. Евласьев А.П., Бондаренко Е.В. Особенности современного политического новояза (на материале английского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 148–150. doi:10.37882/2223-2982.2021.01.08
6. Кейлз Р.М. Язык Пентагона – это разновидность новояза // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 177–180.
7. Морозова М.Е. «Социальный новояз» в современном немецком языке (практика лингвосемантических отношений в языке). М.: Проспект, 2022.
8. Овчинникова А.С. Основные принципы словопроизводства и словообразования «новояза» во французском языке XXI века // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 142–150. doi:10.20323/2499_9679_2022_4_31_142_150
9. Одинцова И.В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике // Мир русского слова. 2012. №1. С. 73–80.

10. Олешкова А.М. «Критические дискурсные исследования»: российский «новояз» в современной социокультурной ситуации // *Коммуникология*. 2017. Т. 5, № 1. С. 50–59.
11. Фарапонова С.В. Особенности советского новояза на примере эпоса и лирики 20-х годов // *Художественная литература: опыт современного прочтения*. Екатеринбург: УРФУ, 2019. С. 149–152.
12. Шабалкина А.А. Приёмы манипуляции в политическом дискурсе (на материале немецкого языка) // *Студенческая наука в XXI веке*. 2020. Т. 17, № 1-2 (19). С. 225–226.
13. Чес Н.А. Манипулятивный потенциал сложных метафорических концептов в политическом медиадискурсе // *Когнитивные исследования языка*. 2020. № 3 (42). С. 510-514.
14. Biermann K., Haase M. *Sprachlügen: Unworte und Neusprech von «Atomruine» bis «zeitnah»*. Frankfurt a. M.: Fischer, 2012.
15. Eik J. *DDR-Deutsch. Eine entschwundene Sprache*. Berlin: Jaron, 2010.
16. Klemperer V. *LTI – Lingua Tertii Imperii. Notizbuch eines Philologen*. Leipzig: ReclamVerlag, 1996.
17. Lakoff G. *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate*. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2014.
18. Medvedeva N.E. Linguopragmatic Analysis of Euphemisms in Political Discourse // *Political Linguistics*. 2022. No. 6 (96). Pp. 59–68. doi:10.26170/1999-2629_2022_06_07
19. Orwell G. 1984. München: Wilhelm Heyne Verlag, 2002.

REFERENCES

1. Agadzhanian, R.V. (2023). Yazykovoe manipulyativnoe vozdejstvie: teoreticheskij obzor [Linguistic Manipulative Influence: A Theoretical Overview]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 16 (3), 765–772. doi:10.30853/phil20230151 (in Russian).
2. Arutyunyan, N.L. (2022). Genderobesie, ekobesie i klimatomaniya kak otrazhenie novoj apokalipticheskoy kartiny mira [Gender-blindness, ecobesity, and climatomania as a reflection of the new apocalyptic picture of the world]. In N.Yu. Fanyan (Ed.), *Filologiya v sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: Sbornik nauchnyh trudov. K 85-letiyu fakul'teta romano-germanskoj filologii Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta [Philology in the System of Modern Humanitarian Knowledge: Collection of Scientific Works. To the 85th anniversary of the Faculty of Romance and Germanic Philology of the Kuban State University]* (pp. 6–15). Krasnodar: Kuban State University (in Russian).
3. Bartov, A.A. (2009). „Novoyaz” v literature i v zhizni [«Newspeak» in literature and in life]. *Neva*, 3, 11–17 (in Russian).
4. Belyaev, D.A. (2017). “Novoyaz” Dzh. Oruella: ot yazykovoj regressii k lingvisticheskim polittehnologiyam manipulyacii obshestvennym soznaniem [J. Orwell’s Newspeak: From Linguistic Regression to Linguistic Political Technologies of Manipulation of Public Consciousness]. *Nauka Krasnoyar’ya [Krasnoyarsk Science]*, 6 (2-2), 32–36. doi:10.12731/2070-7568-2017-2-2-32-36 (in Russian).
5. Biermann, K., & Haase, M. (2012). *Sprachlügen: Unworte und Neusprech von „Atomruine“ bis „zeitnah“ [Language lies: nonsense and newspeak from “nuclear ruins” to modern days]*. Frankfurt a. M.: Fischer (in German).

6. Ches, N.A. (2020). Manipulyativnyj potencial slozhnyh metaforicheskikh konceptov v politicheskom mediadiskurse [The Manipulative Potential of Complex Metaphorical Concepts in Political Media Discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*, 3 (42), 510-514 (in Russian).
7. Eik, J. DDR-Deutsch. (2010). *Eine entschwundene Sprache [GDR German. A lost language]*. Berlin: Jaron (in German).
8. Evlasyev, A.P., & Bondarenko, E.V. (2021). Osobennosti sovremennogo politicheskogo novoyaza (na materiale anglijskogo yazyka) [Features of Modern Political Newspeak (in English)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki [Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Humanities]*, 1, 148–150. doi:10.37882/2223-2982.2021.01.08 (in Russian).
9. Faraponova, S.V. (2019). Osobennosti sovetskogo novoyaza na primere eposa i liriki 20-h godov [Peculiarities of Soviet newspeak in the epic and lyric poems of the 1920s]. *Hudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya [Fiction: Modern Reading Experience]*, 149–152. Ekaterinburg: URFU, 2019 (in Russian).
10. Keils, R.M. (2009). Yazyk Pentagona – eto raznovidnost' novoyaza [Pentagon English is a sort of newspeak]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*, 4 (30), 177–180 (in Russian).
11. Klemperer, V. (1996). *LTI – Lingua Tertii Imperii. Notizbuch eines Philologen [LTI – Lingua Tertii Imperii. A philologist's notebook]*. Leipzig: Reclam Verlag (in German).
12. Lakoff, G. (2014). *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate*. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing.
13. Medvedeva, N.E. (2022). Linguopragmatic Analysis of Euphemisms in Political Discourse. *Political Linguistics*, 6 (96), 59–68. doi:10.26170/1999-2629_2022_06_07
14. Morozova, M.E. (2022). “Socialnyj novoyaz” v sovremennom nemeckom yazyke (praktika lingvosemanticheskikh otnoshenij v yazyke) [«Social Newspeak» in Modern German (Practice of Linguosemantic Relationships in Language)]. Moscow: Prospekt (in Russian).
15. Odincova, I.V. (2012). Frejm, frejming i refrejming v lingvodidaktike [Frame, Framing, and Reframing in Linguodidactics]. *Mir russkogo slova [The World of the Russian Word]*, 1, 73–80 (in Russian).
16. Oleshkova, A.M. (2017). “Kriticheskie diskursnye issledovaniya”: rossijskij “novoyaz” v sovremennoj sociokulturnoj situacii [“Critical Discourse Studies”: Russian “Newspeak” in the Contemporary Socio-Cultural Situation]. *Kommunikologiya [Communicology]*, 5 (1), 50–59 (in Russian).
17. Orwell G. (2002). *1984*. München: Wilhelm Heyne Verlag (in German).
18. Ovchinnikova, A.S. (2022). Osnovnye principy slovoproizvodstva i slovoobrazovaniya “novoyaza” vo francuzskom yazyke XXI veka [The Basic Principles of Word Production and Word Formation of “Newspeak” in the French Language of the XXI Century]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik [Verkhnevolzhsk Philological Bulletin]*, 4 (31), 142–150. doi:10.20323/2499_9679_2022_4_31_142_150 (in Russian).
19. Shabalkina, A.A. (2020). Priyomy manipulyacii v politicheskom diskurse (na materiale nemeckogo yazyka) [Manipulation Techniques in Political Discourse (in German)]. *Studencheskaya nauka v XXI veke [Student Science in the 21st Century]*, vol.17, 1-2 (19), 225–226 (in Russian).

Информация об авторе:

Шестерина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-8670-6394.

Получено: 20 апреля 2023 г.

Принято к публикации: 2 июня 2023 г.

“NEWSPEAK” IN CONTEMPORARY GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Elena A. Shesterina
MGIMO University
(Moscow, Russia)
niky.07@mail.ru

Abstract: This article examines the concept of “newspeak,” created by J. Orwell in his novel “1984,” which functions as one of the means of manipulating the political consciousness of people. The article focuses on the linguistic manifestation of newspeak in the speech behavior of modern German politicians. It reveals two main functions of newspeak in the speech of modern German politicians: confusion and reinterpretation of established concepts. The article explores the corpus of lexical means of German political newspeak, which are realized in the form of framing, empty phrases, paradoxical word constructions, borrowings, neologisms, clericalisms, lexemes with ambiguous meaning, and words with multiple meanings. Among the grammatical means peculiar to newspeak in German political discourse, the article describes the inclusive pronoun “wir,” passive voice, and the conjunctive irrealis in combination with the adverbial modifier of manner. The pragmatic means of realizing newspeak in German political discourse include the imposition of presuppositions, weak efforts to fulfill the intentions, and hyperbolization. The conclusion is drawn that, unlike in totalitarian societies, politicians in democratic countries use newspeak to compensate for the failures of their party, which turns out to be unable to fully implement its declared intentions, mainly through linguistic manipulations.

Keywords: newspeak, political discourse, manipulation strategies, speech manipulation, neologisms, pragmatic intentions.

How to cite this article: Shesterina, E.A. (2023). “Newspeak” in Contemporary German Political Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 5(3), pp. 93–106 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-3-93-106>

About the author

Elena A. Shesterina, Cand. Sci. (Philology) is Associate professor in the Department of the German language at MGIMO University. ORCID: 0000-0001-8670-6394.

Received: April 20, 2023.

Accepted: June 2, 2023.